

гилу которого через два месяца нашли, нашли в кармане его бумаги, книжку и записки и узнали по костюму. Значит, в субботу похороны. Но знаешь, кажется, завтра вечером уеду-ка я в Москву, пробуду именины твои, а потом вернусь дела кончать. Увижу сегодня же и решу так.

Переезд университета кажется удастся. И сами они рады к нам: очень на окраине, очень всё чуждо в Юрьеве. Но какой энергии и хлопот от меня именно требуется теперь! Я рад, что на меня выпала такая честь и задача, это так полезно и нужно для всего нашего, твоего и моего края!..

Я ласкаю тебя, я скупаю по тебе, ты во многом мне как мамочка. Ты и пишешь мне так же... Спасибо, спасибо тебе за всё. Береги себя, будь здорова и покойна. Родная ты моя, любимая!..

Твой Н. Мешков.

Петроград. 23 ноября 1915 года

Катя, моя, Катя!

От всего сердца моего и всей душой поздравляю тебя моя милая, моя радость, мой отдых и покой, стало быть моя бодрость и сила! Запретили подавать телеграммы 24, а так как я не знаю, выеду ли сегодня или завтра, то вот и пишу тебе, родная моя. Пишу, что я жив и здоров. Вместе с попечителем Рижского Округа околачиваемся в Министерстве об эвакуации Юрьевского университета в Пермь. Нельзя пропустить момент, необходимо сразу наладить всю отправку, чтобы апрелем по-

Я ЛЮБЛЮ ВСЁ ЖИВОЕ, ХОРОШЕЕ, КРАСИВОЕ, ПРАВДИВОЕ КАК ПРИРОДА

ехал туда уже весь персонал, а иначе Немецкие партии и бароны опять восторжествуют и не выпустят и надолго, надолго наш край останется позади других.

И. Н. Чумаков в Москве пишут с А. Н. Найдёновым условие об Уфимской дороге, сегодня он должен вернуться сюда, а потом я поеду в Москву подписывать.

Труп Кости ещё не привезли, Надя с дочками и сыновьями здесь плачет

и ждёт Костю и боится за Федю, а потом возьмут Васю, мужа моей Лялиньки... Ну, я рад буду, если Лёля вернётся ко мне же, не могу я больше сердиться. Здесь, на Виленском, как будто посветлее, но это — так, отдых, а потом опять всё так же пойдёт.

Мне всё наскучило, всё нужно бросить, уйти и уехать.

НЕТ У МЕНЯ КАМИНА, А МЯГКУЮ МЕБЕЛЬ ВООБЩЕ Я НИКОГДА НЕ ЛЮБИЛ

Неужели, неужели ты так хороша?..

Я целую, ласкаю, обнимаю тебя, я шлю тебе всё лучшее.

Береги себя, моё солнышко!

Твой Н. Мешков.

Петроград. 26 ноября 1915 года

Только вчера привезли Костю, сегодня похороны, в субботу представление Министру финансов с докладом об учреждении общества Оренбург-Уфимской дороги и выезд, наконец, в Москву. Хлопоты мои и дар по поводу перевода из Юрьева Университета и, кажется, ветеринарного института в Пермь по сей видимости должны возыметь успех и очень скорый, именно теперь же. Там уже очень многое сложено в ящики и упаковано, в декабре начнут отправлять из Юрьева в Пермь. Имущества масса, полагаю больше ста ва-

Ты знаешь, какой это возбудитель жизни! Ты знаешь, как двинется наш Урал и далеко кругом только от того, что университет дома. А условия жизни молодёжи? Разве такие будут у нас, как здесь, как в этом безнадежном болоте?

Не разлюби меня, не осуди меня, побереги меня, потерпи для меня, для сохранения моей силы и бодрости. Дай время мне перебороть в себе самом очень многое. Но иначе я не могу поступать. Не осуждай же меня, солнышко моё горячее, я так же хочу погреться у тебя, но у меня такая же война, как и на фронте, и я не могу себе позволить убежать ради личного своего покоя и удовольствия, прямо ради даже настойчивой личной необходимости. Вот видишь! Не ты пишешь мне, а я пишу тебе, моя радость, покой и бодрость.

Люблю тебя, благодарю тебя, моя милая, мой верный друг.

Катю, моя Катю! Где ты?

Твой Н. М.

Петроград. 28 марта 1916 года

Из прилагаемого ты поймёшь, моя радость, мой любимый друг, мои главные мучения, мои нервы и испытания твёрдости, настойчивости и терпения. К. Д. Ростовцева послал в Юрьев, завтра или 30 вернётся. Тогда решу новую тактику. Я слишком много сделал за это время. И получал за это время такие удары от людской глупости и слабости, что и вообразить и ожидать нельзя!

Очень скоро всё расскажу тебе и расцелую тебя всю так крепко и нежно!

Навигация открылась у нас в Астрахани и Царицыне, и на Москве-реке и частично на Оке. Идём уже пароходом из Москвы до Рязани. В Рыбинске ледоход. Дел, дел теперь куча, а скоро и во все я уйду в моё любимое, мною созданное привычное мне дело, Слава Богу!

Понимаешь ли, родная, почему не могу писать: нет возможности чувствовать всю твою близость, всю нашу близость и так сказать тебе мою нежность и ласку, моё счастье и силу, как хотелось бы всегда говорить тебе! Береги же себя, моя радость, моя милая, родная Катеринушка!

Твой Н. Мешков.